

С. А. Маньков

Мемориализация Великой войны в парках и ландшафтных объектах мира

В статье рассмотрена практика сохранения памяти о Первой мировой войне в садах, парках и ландшафтных объектах в различных странах Старого и Нового света. Мемориальный формат парковой архитектуры, зародившийся в XVIII в., получил свое идейно-философское обоснование и широкое практическое распространение в XX столетии в результате глобальной катастрофы – Великой войны 1914–1918 гг. Осознание ответственности перед культурой и природой, искусственной и естественной сферами жизни человечества, которые могут быть утрачены в ходе разрушительности боевых действий, привело к выработке новых форм коммеморации – соединению мемориальной и «зеленой» зоны ландшафтного пространства, где есть место как для сплачивания широких народных масс вокруг значимого исторического события, так и для семейного или индивидуального переживания.

Ключевые слова: первая мировая война, мемориализация, парки, сады, ландшафтные объекты, места памяти, музеи, некрополи

Sergey A. Man'kov

Memorialization of the Great War in parks and landscape objects of the world

The article discusses the practice of preserving the memory of the First World War in gardens, parks and landscape objects in various countries of the Old and New Worlds. The memorial format of park architecture, which originated in the XVIII century, received its ideological and philosophical justification and wide practical distribution in the XX century because of a global catastrophe – the Great War of 1914–1918. Awareness of the responsibility to culture and nature, the artificial and natural spheres of human life that can be lost during the destructiveness of hostilities, has led to the development of new forms of memorialization – the unification of the memorial and the “green” zones of landscape space, where there is room for rallying the masses around a significant historical event, and for family or individual experience.

Keywords: World War I, memorialization, parks, gardens, landscape objects, places of memory, museums, necropolis
DOI 10.30725/2619-0303-2020-2-44-50

Член Французской академии, историк Пьер Нора отмечает, что мы живем в «эпоху всемирного торжества памяти» [1, с. 17]. Из-за усиления темпов научно-технического прогресса и процессов глобализации, отмечаемых в наши дни, проистекает востребованность на сохранение национальной идентичности, поскольку данные явления вторгаются во все стороны жизни общества, включая повседневность и сферу сохранения культурно-исторической памяти. В силу этого богатое на исторические события XX столетие выработало и развило новые формы коммеморации, а ведущие ученые-культурологи обосновывают необходимость создания науки о наследии (херитологии, мнемософии).

В современном мире все яснее осознается неразрывная связь человеческой культуры и природы, что зафиксировано во многих международных и государственных нормативно-правовых актах, посвященных охране культурного наследия. Изучение именно этого аспекта – мемориализации событий войн в форме создания историко-ландшафтных комплексов и соединения мемориальных

знаков с природными зонами в городах, селениях и в собственно природной естественной среде, представляется актуальным.

В результате глобального конфликта, которым была Первая мировая война, возник стойкий общественный запрос на увековечивание ее жертв. Сохранение исторической памяти о войнах составляет неотъемлемую часть мировой и национальной культуры, но помимо традиционно существовавших средств индивидуальной и коллективной коммеморации в виде храмов, часовен, музеев, мемориалов, монументов, некрополей и т. д., получили широкое распространение парки, сады и ландшафтные объекты, несущие на себе функции «мест памяти».

Фиксация и сохранение памяти об исторических событиях в форме создания особых культурно-природных зон связаны с проблемой актуализации исторического наследия, которая имеет две основные формы – мемориализация и музеефикация [2, с. 62–67]. Культуролог и музеевед М. Е. Каулен отмечает, что целью актуализации является преодоление пассивного состояния культурно-историче-

ских объектов, вовлечение в актуальную культуру современности и тем самым создание условий для их сохранения [3, с. 107]. В свою очередь, актуализированный исторический памятник становится действенным способом влияния на современное общество.

Исторически доктор искусствоведения Е. М. Коляда связывает начало создания мемориальных садов и парков с периодом европейского барокко и романтизма: «процесс формирования приемов и принципов создания мемориально-ландшафтных композиций начинается в Европе и России лишь во второй половине XVIII столетия» [4, с. 220]. И действительно, национальный романтизм с его обращением к древней мифологии, фольклору, историческим корням, дохристианской (языческой) культуре, в которой присутствовали лесные святилища, поклонение духам предков, сакрализация и скрытая символика растительного мира, только способствовал расширению формата садово-паркового искусства.

На заре XX в. философ Н. Ф. Федоров одним из первых указал на мемориальную функцию природы, прямо подвергнув критике концепцию сугубо развлекательных садов и парков. «Растительное царство город обратил в увеселительные сады; другого употребления городской человек ему не нашел, а между тем такое употребление нельзя назвать естественным, потому что, если растения и созданы для человека, то уже верно не для увеселения его, а для чего-либо другого» [5, с. 459]. Этим «другим» должны были, по мысли философа, стать сохранение памяти о предках, их жизни и их телесное воссоздание из природного и духовного единства.

Идеи и мысли русского философа обрели особую значимость в связи с событиями Первой мировой войны, результаты которой оказались столь разрушительными для народов и культуры человечества в целом, что вопросы сохранения исторической памяти, ранее воспринимавшиеся с энтузиазмом и национальной гордостью, обрели гораздо более траурный и трагический характер.

В государствах-участниках Великой войны запечатление памяти о ее жертвах складывалась различным образом. В зависимости от исторических обстоятельств и национальной специфики разбивка и устройство парков происходили по инициативе общественности, местных властей или правительства. Именно поэтому необходимо проследить этот процесс исходя из конкретных национальных примеров.

Практика мемориализации событий Первой мировой войны в парках Соединенных Штатов Америки, внутренняя территория которых не пострадала от боевых действий, начала оформляться раньше, чем в разрушенной войной Европе, т. е.

уже в 1920–1930-е гг.

Следует отметить, что Соединенный Штаты Америки – одна из первых стран, где появился парк, увековечивший память о конкретном военном конфликте. В 1893 г. в штате Пенсильвания, на месте бывшего в 1863 г. в ходе Гражданской войны в США Геттисбергского сражения, был открыт Геттисбергский национальный военный парк (Gettysburg National Military Park). С этого момента наравне с парками, имевшими репрезентационное и рекреационное назначение, стали возникать мемориальные парки [6].

Еще в ходе Великой войны президент Американской лесохозяйственной ассоциации Чарльз Лэтроп Пэк (Charles Lathrop Pack; 1857–1937) выдвинул концепцию «Садов победы» (Victory Gardens), предусматривавшую разбивку огородов, высадку овощей и фруктов в общественных и частных парках с целью поддержки фронта и моральной сопричастности общественности к обеспечению военных нужд [7, р. 15]. В начале 1920-х гг., выделяя средства на создание Мемориала Свободы (ныне Национального музея и мемориала Первой мировой войны) в г. Канзас-Сити (штат Миссури), Ч. Л. Пэк предложил включить в общую композицию объекта мемориальную аллею, которая будет вести посетителя к главному архитектурному комплексу будущего мемориала. Пэк заявил, что «не может быть более подходящего материала для мемориала погибшим солдатам, призванным из нашего города, чем живые растущие деревья» [8].

Эти слова американского бизнесмена, коллекционера и филантропа вполне точно соответствуют общественному пониманию того, как следует увековечивать память погибших в войне. В разных штатах, графствах, округах, городах и общинах США возникали идеи о том, что смерть солдат, отдавших свою жизнь на полях сражений в Европе, не должна быть забыта и будет сохранена в памяти их сограждан. «Зеленые зоны» городов и поселений стали местом установки мемориалов. Конечно, последние располагаются и в традиционном пространстве кладбищ, городских площадей, на церковных территориях, перед административными

В 1920-х гг. стали появляться мемориальные парки, посвященные отдельным личностям, проявившим героизм в ходе сражений Первой мировой войны. Характерно, что в США первые подобные парки возникли в честь главнокомандующего Американскими экспедиционными войсками в Европе генерала Джона Першинга (1860–1948) и простого сержанта Осмонда Келли Ингрэма (1887–1917).

В г. Бирмингем, штат Алабама, жители решили увековечить память своих сограждан, погибших в Первой мировой войне, в городском парке Вест Парк в престижном районе Риверсайд. В 1922 г. в центре парка был сооружен оригинальный фонтан,

окруженный высаженными деревьями и кустами, а после возведения в 1932 г. крытого мемориала с именами погибших в Великой войне граждан штата Алабама, парк получил имя Келли Ингрэма (Kelly Ingram Park), бывшего городского пожарного, первого американского моряка, погибшего в Великой войне и посмертно удостоенного медали Почета [10]. В наши дни парк Келли Ингрэма расположен на участке площадью 1,6 га и включен в Национальный реестр исторических мест США.

В США существуют десять парков, носящих имя генерала армий США Д. Першинга. Самым первым в 1922 г. открылся парк «Поле Першинга» (Pershing Field), включающий в себя участок площадью 5,5 га в штате Нью-Джерси.

Благодаря усилиям общественности Лэклэда (штат Миссури), родного города генерала, появился Государственный парк Першинга (Pershing State Park). В 1937 г., учитывая общественную петицию, власти штата приобрели для создания мемориала первый участок земли более 2000 га, расположенный в живописном месте, где, по воспоминаниям местных жителей, любил проводить свободное время будущий военачальник. В 1940 г. благоустройство зоны мемориала было завершено, а центральной доминантой парка стал мраморный памятник матерям, которые отдали своих сыновей на войну.

Последним в этой череде стал Парк Першинга (Pershing Park) площадью 7100 м², начавший работу в американской столице, Вашингтоне 14 мая 1981 г. На его территории имеется несколько монументов, фонтанов, памятных знаков, заложенных в честь Великой войны. С начала 2000-х гг. рабочие группы Конгресса США ведут деятельность по созданию в Парке Першинга Национального мемориала Первой мировой войны (National World War I Memorial) [11, p. 112–121].

Еще одним интересным примером «зеленой» мемориализации Великой войны стала посадка 30 мая 1920 г. 507 норвежских кленов, подаренных местным отделением патриотической организации Американский легион округа Колумбия в Вашингтоне. На каждом из деревьев композиции «16th Street World War I Memorial Trees» в алфавитном порядке от А до Z была закреплена табличка с именем жителей округа, включая 6 женщин, погибших на войне. До нашего времени сохранилось лишь несколько десятков деревьев, но муниципальные власти планируют возобновить их количество к маю 2020 г. [12].

Схожим образом происходил процесс организации мемориальных парков в Австралии и Новой Зеландии.

В Австралийском военном мемориале в Канберре, посвященном сохранению памяти о Первой мировой войне, парковая зона была запланирована изначально [13, p. 22–24]. Вследствие усложнения парковой композиции, требующей длительного

времени для должного декоративного оформления растительностью, открытие мемориала и его музейного комплекса несколько раз откладывалось, и в результате лишь в ноябре 1941 г., когда в Европе и мире полыхал новый, еще более масштабный конфликт, Военный мемориал в Канберре был торжественно открыт для посетителей [14, p. 10]. После Второй мировой войны тематика мемориала была существенно расширена. Отныне он был посвящен всем австралийцам, участвовавшим в мировых и локальных войнах. 5 февраля 1954 г. королева Австралии Елизавета II заложила строительство Подъездной дороги памяти (Remembrance Driveway) – грандиозной дорожно-мемориальной системы шоссе, древесных парков, плантаций и придорожных зон отдыха, протяженностью 320 км от Канберры до Сиднея, которая служит во многом уникальным и живым памятником австралийцам, отдавшим жизни за страну.

В новозеландской столице Веллингтоне открытие собственного Национального военного мемориала растянулось почти на столетие. В 1919 г. правительство Новой Зеландии премьер-министра Уильяма Фергюсона Мэсси (William Ferguson Massey; 1856–1925) проголосовало за выделение 100 000 фунтов стерлингов на организацию комплекса, который должен был включать в себя национальную художественную галерею, музей, военный мемориал, колокольню и парк. Победителями конкурса на проектирование мемориального комплекса, проведенного в 1929 г., стали новозеландские архитекторы Чарльз Реджинальд Форд (Charles Reginald Ford; 1880–1972) и Уильям Генри Гаммер (William Henry Gummer; 1884–1966).

15 мая 1931 г. премьер-министр Джордж Уильям Форбс (George William Forbes; 1869–1947) провел церемонию установки закладного камня будущего комплекса с надписью: «Слава Богу! В память о новозеландцах, погибших в Великой войне 1914–1918». Хотя колокольня со звонницей на 49 колоколов была открыта в 1932 г., а Национальная художественная галерея и Музей Доминиона в 1936 г., из-за экономических трудностей и начавшейся Второй мировой войны создание других объектов комплекса постоянно откладывалось [15, p. 14].

Зал памяти был введен в эксплуатацию в 1964 г., в его стенах каждый новозеландец может отдать почести своим погибшим на войне родственникам. В 1985 г. королева Елизавета II открыла обновленный карильон на 65 колоколов [16, p. 32–40]. В 1990 г. на территории комплекса появился первый памятник «Человеку с осликом», посвященный санитару Джону Килпатрику Симсону (1892–1915), погибшему в Галлиполи. В 2004 г. была создана могила неизвестного солдата, прах которого был эксгумирован в местах боев во Франции и торжественно перезахоронен на родине.

Финансирование Национального военного мемориала осуществляется из средств государственного бюджета. Парламентский акт 1992 г. запрещает ведение любой коммерческой деятельности на его территории.

В 2005 г. Министерство культуры и наследия совместно с Транспортным агентством Новой Зеландии приобрело участок на северной стороне Бакл-стрит, напротив Национального военного мемориала, для устройства Национального военномемориального парка Пукеаху (Pukeahu National War Memorial Park), который был открыт 18 апреля 2015 г. в 100-летнюю годовщину Галлиполийской операции. Парковая территория предназначена для размещения памятников военным союзникам и противникам Новой Зеландии в Великой войне, что является подлинным символом примирения всех сторон давнего конфликта. Первым на его земле был открыт мемориал из 15 колонн красного песчаника, профинансированный правительством Австралии. На начало 2019 г. в парке Пукеаху открыты мемориалы в память американцев, бельгийцев, французов, британцев, немцев, турок, маори и уроженцев тихоокеанских островов [17].

В наиболее пострадавшей от войны и ее последствий Европе практика устройства мемориальных парков складывалась иначе. В силу исторических и экономических причин пик этого процесса пришелся на эпоху после Второй мировой войны.

Комеморативная деятельность в отношении Великой войны в Великобритании и Германии в основном шла по более традиционному пути, нежели в странах Нового света. Сложности с финансами и отсутствие больших свободных земельных площадей, находящихся в государственной собственности, заставляли власти и общественность этих стран создавать памятные знаки и скульптурные монументы в уже сложившихся парках, прицерковных территориях и городских скверах [18].

Начиная с 1919 г. часть ирландского общества выступала за создание парка в память об ирландцах, погибших в Первой мировой войне. Это инициатива десятилетия за десятилетием наталкивалось на противодействие со стороны радикальных республиканцев, считавших, что подобный шаг будет прославлять победу британского оружия в стране, обретшей независимость, и служить напоминанием о том, что «малые народы были игрушкой в руках великих держав» [19, р. 26–27]. «Масла в огонь» подлил и то факт, что автором проекта мемориального парка стал сэр Эдвин Лаченс (Sir Edwin Landseer Lutyens; 1869–1944), президент британской Королевской академии художеств. Существование Ирландского Военного мемориального парка в Дублине, открытого в 1940 г., шло отнюдь немирно, в 1956 и 1958 гг. на его территории произошли политически мотивированные теракты. Его территория

в 24 га использовалась для повседневных прогулок и выгула животных и не воспринималась в качестве сакрального места почитания усопших. Однако с укрепление государственности независимой Ирландии и улучшения ее экономического состояния мемориализация событий Великой войны перестала восприниматься как попытка «английского культурного реваншизма». В 1980-х гг. парковые объекты, находившиеся без должного ухода, были отреставрированы, а зеленые насаждения приведены в порядок. И хотя открытие обновленного парка 10 сентября 1988 г., состоявшееся в присутствии глав четырех христианских конфессий страны, прошло при полном игнорировании со стороны официальных государственных лиц, уже в 1995 г. траурную церемонию в парке впервые посетил тишек (премьер-министр) Ирландии Джон Братон. В церемонии 11 ноября 1998 г. по случаю прибытия королевы Великобритании Елизаветы II и короля Бельгии Альберта II присутствовало все правительство страны. С этого момента парк стал местом проведения официальных церемоний и из попечительства общественного совета поступил в ведение Государственного офиса общественных работ.

В 1960–1990-е гг. в парки были превращены целые поля сражений бывшего Западного фронта на территории Франции и Бельгии. Парковые зоны были разбиты вокруг бывших траншей, руин, фортов и мест установки крупных артиллерийских объектов (платформ, батарей). Можно привести в качестве примеров: бельгийский музейно-мемориальный комплекс «На полях Фландрии» [20]; ирландский мемориальный парк мира в бельгийском селении Мессинес; мемориальный парк, посвященный павшим австралийцам во французском Фромелле; канадский мемориальный парк на территории французской коммуны Живанши; мемориальный парк во французском Бомонн-Амьеле, в честь погибших в битве при Сомме жителей канадской провинции Ньюфаундленд, мемориальный парк памяти английских солдат из Шеффилда, погибших в битве при Сомме [21, р. 14, 29, 28, 46] и т.д.

Интересен опыт устройства мемориальных ландшафтных зон в бывших местах сражений, в которых применялись методы биологической консервации. В этом ряду стоит назвать основанный христианским фондом «Тос Н» мемориал «Минный кратер Спанброкмолен» (Spanbroekmolen) – «Пруд мира», известный также как «Одинокое дерево», около бельгийской д. Кеммель и в прилегающей лесопарковой зоне, образованный на месте огромной воронки от взрыва британских мин 7 июня 1917 г. Кратер глубиной 12 м и диаметром около 76 м заполняется грунтовыми водами, образуя искусственный природный объект, служащий напоминанием о разрушительном характере войн [21, р. 51]. На прилегающей территории имеется

несколько британских военно-мемориальных кладбищ.

Другим аналогичным объектом является воронка Лохнагар (Lochnagar mine), расположенная к югу от деревни Ла Буассель во французском департаменте Сомма в Пикардии. Гигантская впадина глубиной 30 м и шириной около 100 м возникла в результате подрыва 1 июля 1916 г. девятнадцати мин, заложенных Королевской инженерной туннельной ротой под немецким полевым укреплением, известным как Швабская высота (Schwabenhöhe). Этот взрыв стал сигналом к началу одного из кровопролитнейших сражений Первой мировой войны – битве при Сомме. В 1978 г. британский энтузиаст Ричард Даннинг выкупил у общины департамента Сомма землю, на которой располагалась воронка Лохнагар. В 1986 г. им был открыт мемориальный парк «Воронка Лохнагар», окруженный деревьями с благоустроенной смотровой площадкой, крестом и мемориалом, для поминовения британцев, немцев и французов, павших при Сомме [22, р. 195]. Ежегодно общедоступный объект посещает до 200 000 человек. За свои труды в 2016 г. владелец и создатель парка Р. Даннинг был возведен в члены ордена Британской империи [23, р. 17].

По примеру Франции и Бельгии в Италии на линии бывшего фронта в Альпах созданы два музея под открытым небом, где сам горный ландшафт является основной для погружения в эпоху (Тематический парк Великой войны в Монфальконе [24] и экомузей «Дорога 52 туннелей» в горном хребте Порте дель Пазубио близь города Виченца [25, р. 32–37]).

Из бывших Центральных держав наиболее масштабным в плане устройства мемориальных парков Великой войны является опыт Турции. Согласно условиям Мудросского перемирия 30 октября 1918 г., ознаменовавшего выход Османской империи из Первой мировой войны, страны Антанты получили право на устройство мемориальных кладбищ на территории проведения неудачной для них Дарданелльской операции 1915–1916 гг., в которой с обеих сторон погибли почти полмиллиона человек. Причем сама турецкая сторона оказалась лишена подобного права на многие годы. Только в 1934 г. на общественные средства был сложен из камней скромным памятник герою Галлиполийской битвы, простому солдату Мехмеду Чавушу (1878–1964). В 1943 г. Министерство национальной обороны организовало конкурс на установку памятника мученикам Чанаккале, т. е. османским воинам, отстоявшим Галлиполийский полуостров в многомесячных боях с вражескими десантами. Памятник по проекту студентов Стамбульского технического университета Феридуна Кипа, Догана Эргинбаша (1919–2018) и Исмаила Уткулара, из-за нехватки средств был заложен 17 апреля 1954 г. Церемонию

торжественного открытия 21 августа 1960 г. провел начальник генерального штаба Вооруженных сил Турецкой республики генерал армии Джевдет Сунай (1899–1982). С этого момента власти страны предприняли энергичные действия по благоустройству прилегающей к памятнику лесной территории. В 1971 г. во время государственного визита в Турцию королевы Великобритании Елизаветы II состоялось открытие исторического Музея мира [21, р. 220]. В 1973 г. по решению совета министров Турции на европейской части пролива Дарданеллы в южной оконечности полуострова Галлиполи, в пределах границ провинции Чанаккале, был торжественно открыт масштабный Национальным парк Чанаккале, площадью 33 000 га, включающий на сегодняшний день несколько монументов, памятных знаков, военно-мемориальных кладбищ, музеев, прудов, фонтанов, прогулочных зон, флаштоков для государственных флагов и т. д. В 2014 г. Национальным парк Чанаккале был переименован в Исторический район Галлиполи [26, р. 22–25].

В силу идеологических причин процесс меморIALIZАЦИИ Великой войны в России был невозможен большую часть XX в. Лишь в 1990-е гг. смог реализоваться запрос российского общества на устранение этой культурной лакуны и исторической несправедливости. В 1998 г. по инициативе ряда общественных организаций, поддержанной городскими властями, в районе Сокол Северного административного округа Москвы был открыт Мемориально-парковый комплекс героев Первой мировой войны.

Место для открытия подобного парка было выбрано неслучайно, так как именно здесь по решению принятому 6/19 сентября 1914 г. на соединенном совещании Московской городской управы и Комиссии гласных «по мероприятиям, вызванным войной 1914 года» было устроено Братское кладбище для захоронения павших на фронте и умершей от ран в госпиталях и лазаретах во время Великой войны [27, с. 31]. Открытие кладбища состоялось 15/28 февраля 1915 г. в присутствии великой княгини Елизаветы Федоровны (1864–1918) и епископа Можайского Димитрия (Добросердова; 1865–1937). На территории некрополя предлагалось создать музей [28, с. 14–16] и возвести Памятник мировому страданию, по проекту скульптора И. Д. Шадра (1887–1941) [29, с. 59–62]. Впрочем, грянувшая революция и утвердившееся господство большевиков оставили эти планы нереализованными. В 1925 г. московское Братское кладбище было закрыто, в 1932 г. после ликвидации 18 000 захоронений его просторная частично было отдано под городскую застройку, а на большей части разбит парк культуры и отдыха.

В 1998–2005 гг. при широком участии общественности на месте Братского кладбища было

начато сооружение Мемориально-паркового комплекса героев Первой мировой войны и в Москве. После придания парку мемориального статуса на площади в 11,2 га постепенно появились: православная часовня Спаса Преображения, обелиск «Павшим в Мировой войне 1914–1918 гг.», памятник российским авиаторам, памятник российским сестрам милосердия, памятный крест и т. д. 30 апреля 2015 г. в часовне Спаса Преображения был перезахоронен прах главнокомандующего Русской императорской армии в 1914–1915 гг. великого князя Николая Николаевича-младшего (1856–1929) и его супруги великой княгини Анастасии Николаевны (1867–1835). Помимо религиозных служб, парковая территория стала площадкой для проведения общегородских мероприятий и фестивалей военно-исторических реконструкций.

В городе Пушкине с 2014 г. в составе Государственного музея-заповедника «Царское Село» функционирует единственный в современной Российской Федерации музей «Россия в Великой войне» в Государевой Ратной палате. В год столетия завершения Первой мировой войны, 26 октября 2018 г. в рамках международной акции «Дерево мира» у входа в Ратную палату состоялась высадка саженцев черешчатого дуба, инициированная словацким ландшафтным архитектором Марекком Соболей [30, с. 208]. Вполне возможно, что данное событие послужит толчком к появлению небольшой мемориальной растительной зоны, посвященной Великой войне и в Царском Селе.

Изучение военных мемориалов, их функции, архитектуры и эстетики дает, помимо понимания исторического знания, глубокое патриотическое проникновение в суть уникальных национальных оснований культуры разных народов. События Великой войны, первой войны глобального индустриального технологического общества, сильно повлияли на последующее понимание цивилизацией своей ответственности не только перед человеком, но и перед природой. Преодоление боли, которую принесла многим поколениям война, неизбежно сопряжено с сохранением памяти о жертвах, независимо от того, на чьей стороне сражались солдаты или трудились рабочие.

Устройство мемориальных парков, получившие широкое распространение после Великой войны, является сравнительно молодым, но весьма популярным и стойким средством сохранения личной, национальной и общечивилизационной памяти. Эта идейно-смысловая нагрузка в области коммеморации и ее практическая форма оказалась воспринята в отношении Второй мировой войны, последующих боевых действий и катаклизмов. Мемориальный формат парков перешагнул в XXI столетие и, надо полагать, будет служить человечеству и в дальнейшем.

Список литературы

1. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / пер. с фр. Д. Р. Хапаевой. Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ун-т, 1999. 325 с.
2. Каган Ф. И., Белугина Г. К. Актуализация культурного наследия как процесс динамики культуры. Москва: ООО «Сам полиграфист», 2013. 292 с.
3. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия в России. Москва: Изд-во «Этерна», 2012. 432 с.
4. Коляда Е. М. Типологическая характеристика русских мемориально-ландшафтных композиций // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 4. С. 220–228.
5. Федоров Н. Ф. Философия общего дела: ст., мысли и письма Николая Федоровича Федорова. Москва: печатня А. Снегиревой, 1913. Т. 2. 473 с.
6. Gettysburg National Military Park: official guidebook. Gettysburg: Beckon Books, 2011. 152 p.
7. Pack Ch. L. *The War Garden Victorious*. Philadelphia: J. P. Lippincott, 1919. 260 p.
8. Urges trees, too, for heroes // Kansas City Star. 1918. Nov. 24.
9. Donovan D. Lest the ages forget: Kansas City's Liberty Memorial. Kansas City, MO: Kansas City Star Books, 2013. 188 p.
10. Osmond Kelly Ingram // Encyclopedia of Alabama. URL: <http://www.encyclopediaofalabama.org/article/h-3880> (дата обращения: 12.01.2020).
11. Wingate J. Sculpting Doughboys: memory, gender, and taste in America's World War I. *Burlington*, 2013. 244 p.
12. *Association of the Oldest Inhabitants of the District of Columbia*. URL: <https://www.aoidc.org/world-war-i-16th-street-tree-memorial.html> (дата обращения: 12.01.2020).
13. McKernan M. Here is their spirit: a history of the Australian War Memorial 1917–1990. St. Lucia: Univ. of Queensland Press, 1991. 388 p.
14. Fathi R. Représentations muséales du corps combattant de 14–18. L'Australian War Memorial de Canberra au prisme de l'Historial de la Grande Guerre de Péronne. Paris: L'Harmattan, 2013. 210 p.
15. National War Memorial. Wellington, 1964. 42 p.
16. MacLean Ch. For Whom the bell tolls: a history of the National War Memorial. Wellington, 1998. 64 p.
17. Pukeahu National War Memorial Park. URL: <https://mch.govt.nz/pukeahu-national-war-memorial-park> (дата обращения: 15.01.2020).
18. Смирнова Т. А. Монумены, мнемонические места и конструирование коллективной памяти о Первой мировой войне в Англии // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4, т. 1. С. 98–101.
19. McCarthy M. Historico-Geographical explorations of Ireland's heritages: towards a critical understanding of the nature of memory and identity. Aldershot: Ashgate, 2005. 51 p.
20. Canada – Flanders. In Flanders Fields Museum. Dossier Files. Gent, 2016. 36 p.

21. Braeuer M., Braeuer L., Hervouet S. Guide Europe des Musees 1914–1918. 750 Musees. Paris: Le Grand Blockhaus, 2012. 232 p.
22. Skinner J. Writing the dark side of travel. New York: Berghahn Books, 2012. 228 p.
23. The London Gazette. 2016. Dec. 31, № 61803.
24. Parco Tematico della Grande Guerra di Monfalcone. URL: <https://www.turismofvg.it/it/108482/Parco-Tematico-della-Grande-Guerra-di-Monfalcone> (дата обращения: 15.01.2020).
25. Lusa A. M «Asiago – Pasubio». Sacrari militari della prima guerra mondiale. Rome: Ministero della difesa, 1999. 93 c.
26. Bahattin Adıgüzel M. Çanakkale. Gelibolu: Gezi Rehberi. Gelibolu, 2019. 50 p.
27. Арсеньев А. А., Морозова М. С. Московское городское Братское кладбище // Военно-исторический архив. 2005. № 10 (70). С. 31–68.
28. Катагощина М. В. Памятники Великой войны // Военная быль. 1993. № 3. С. 14–17.
29. Броновицкая Н. Н. Памятники архитектуры Москвы. Архитектура Москвы, 1910–1935 гг. Москва: Искусство – XXI в., 2012. 354 с.
30. Отчет Государственного музея-заповедника «Царское Село». 2018 / ГМЗ «Царское Село». Санкт-Петербург, 2019. 256 с.
10. Osmond Kelly Ingram. Encyclopedia of Alabama. URL: <http://www.encyclopediaofalabama.org/article/h-3880> (accessed: Jan.12.2020).
11. Wingate J. Sculpting Doughboys: memory, gender, and taste in America's World War I. *Burlington*, 2013. 244.
12. Association of the Oldest Inhabitants of the District of Columbia. URL: <https://www.aoidc.org/world-war-i-16th-street-tree-memorial.html> (accessed: Jan.12.2020).
13. McKernan M. Here is their spirit: a history of the Australian War Memorial 1917–1990. St. Lucia: Univ. of Queensland Press, 1991. 388.
14. Fathi R. Représentations muséales du corps combattant de 14–18. L'Australian War Memorial de Canberra au prisme de l'Historial de la Grande Guerre de Péronne. Paris: L'Harmattan, 2013. 210.
15. National War Memorial. Wellington, 1964. 42.
16. MacLean Ch. For whom the bell tolls: a history of the National War Memorial. Wellington, 1998. 64.
17. Pukeahu National War Memorial Park. URL: <https://mch.govt.nz/pukeahu-national-war-memorial-park> (accessed: Jan.15.2020).
18. Smirnova T. A. Monuments, mnemonic places and the construction of a collective memory of the First World War in England. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2011. 4, vol. 1, 98–101 (in Russ.).
19. McCarthy M. Historico-Geographical explorations of Ireland's heritages: towards a critical understanding of the nature of memory and identity. Aldershot: Ashgate, 2005. 51.
20. Canada – Flanders. In Flanders Fields Museum. Dossier Files. Gent, 2016. 36.
21. Braeuer M., Braeuer L., Hervouet S. Guide Europe des Musees 1914–1918. 750 Musees. Paris: Le Grand Blockhaus, 2012. 232.
22. Skinner J. Writing the dark side of travel. New York: Berghahn Books, 2012. 228.
23. The London Gazette. 2016. Dec. 31, № 61803.
24. Parco Tematico della Grande Guerra di Monfalcone. URL: <https://www.turismofvg.it/it/108482/Parco-Tematico-della-Grande-Guerra-di-Monfalcone> (accessed: Jan.15.2020).
25. Lusa A. M «Asiago – Pasubio». Sacrari militari della prima guerra mondiale. Rome: Ministero della difesa, 1999. 93.
26. Bahattin Adıgüzel M. Çanakkale. Gelibolu: Gezi Rehberi. Gelibolu, 2019. 50.
27. Arsenyev A. A., Morozova M. S. Moscow City Fraternal Cemetery. *Military Historical Archive*. 2005. 10 (70), 31–68 (in Russ.).
28. Katagoshchina M. V. Monuments of the Great War. *Military Story*. 1993. 3, 14–17 (in Russ.).
29. Bronovitskaya N. N. Monuments of architecture of Moscow. *Moscow Architecture, 1910–1935*. Moscow: Iskusstvo – XXI, 2012. 354 (in Russ.).
30. Report of the State Museum-Reserve Tsarskoye Selo. 2018. Saint-Petersburg, 2019. 256 (in Russ.).

References

1. Nora P. Between memory and history. Problems of places of memory. France-memory / transl. with fr. D. R. Hapaeva. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State Univ., 1999. 325 (in Russ.).
2. Kagan F. I., Belugina G. K. Actualization of cultural heritage as a process of cultural dynamics. Moscow: Sam polygraphist, 2013. 292 (in Russ.).
3. Kaulen M. E. Museumification of historical and cultural heritage in Russia. Moscow: Eterna Publ. house, 2012. 432 (in Russ.).
4. Kolyada E.M. Typological characteristic of Russian memorial-landscape compositions. *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2011. 4, 220–228 (in Russ.).
5. Fyodorov N. F. Philosophy of the common cause: art, thoughts and letters of Nikolai Fedorovich Fyodorov. Moscow: typ. by A. Snegireva, 1913. 2. 473 (in Russ.).
6. Gettysburg National Military Park: official guidebook. Gettysburg: Beckon Books, 2011. 152.
7. Pack Ch. L. *The War Garden Victorious*. Philadelphia: J. P. Lippincott, 1919. 260.
8. Urges trees, too, for heroes. *Kansas City Star*. 1918. Nov. 24.
9. Donovan D. Lest the ages forget: Kansas City's Liberty Memorial. Kansas City, MO: Kansas City Star Books, 2013. 188.